

Пленарное заседание

В.В. Крашенинников,
кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского

Н.В. Гоголь и Брянский край

В марте 2009 года исполнится 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, украинца по национальности, ставшего великим русским писателем. Казалось бы, предстоящий юбилей дает благоприятные возможности лишней раз напомнить о многих политических, экономических и культурных связях между Россией и Украиной, между двумя братскими славянскими народами. Но господину Ющенко и другим националистически и антирусски настроенным политикам на Украине нужно совершенно другое. Поэтому произведения Н.В. Гоголя (а все они написаны только на русском языке) срочно переводятся на «украинскую мову», а слова «Россия», «русский» заменяются в них на «Украина», «украинский», т.е. совершается явное надругательство над авторским текстом великого писателя.

Тем самым споры о Н.В. Гоголе, которые были и при его жизни, и после смерти и касались преимущественно личности писателя, его творческого наследия и особенно его духовно-религиозных исканий в последние годы жизни, кое-кто пытается перенести в сферу грязного политиканства, и участие в таких спорах бессмысленно.

Попытаемся же спокойно и по возможности объективно рассмотреть такую малоизученную тему, как «Н.В. Гоголь и Брянский край». В ней есть, по крайней мере, два

основных аспекта: пребывание Н.В. Гоголя на Брянщине и его отношения с людьми, напрямую связанными с Брянским краем.

Поскольку Н.В. Гоголь родился в с. Васильевке Полтавской губернии, где проживали родители, а после окончания Нежинского лицея («гимназии высших наук») длительное время был связан с Петербургом и Москвой, то в своих поездках на родину и обратно он не мог миновать Брянщины.

Первая из таких поездок состоялась в декабре 1828 г., когда закончивший учебу Н.В. Гоголь, получив рекомендательное письмо от своего родственника, влиятельного вельможи Д.П. Трощинского, выехал для устройства на службу в Петербург вместе со своим товарищем по Полтавскому уездному училищу и Нежинской гимназии Александром Данилевским. Вероятнее всего, молодые путники ехали кратчайшей дорогой через Стародуб – Мглин – Рославль – Смоленск, но никакие подробности об этой поездке не известны, равно как и о большинстве других, перечисленных далее.

Больше по этой дороге Н.В. Гоголь уже не ездил, так как все его подобные поездки на родину проходили через Москву. Теперь пути Н.В. Гоголя могли лежать либо через Тулу – Орел – Севск – Глухов, либо через Тулу – Орел – Курск – Сумы. Вторым путем (минуя Брянщину) писатель пользовался реже – достоверно известно, что так он возвращался с Украины в Москву в конце сентября – начале октября 1832 г. По какому маршруту проходили его поездки из Москвы на родину в июле 1832 г. и в мае 1835 г., остается неизвестным.

Все последующие поездки Н.В. Гоголя на родину и обратно проходили через территорию Севского уезда: в августе 1835 г. из Киева в Москву, в начале сентября 1848 г. – из Глуховского уезда в Москву, в июне 1850 г. – из

Москвы через Калугу и Севск в Глуховский уезд и, наконец, последняя – в конце мая – начале июня 1851 г. – из Полтавской губернии через Севск в Оптину пустынь, а затем через Калугу в Москву. Не исключено, что во время двух последних поездок путь Н.В. Гоголя от Севска до Козельска мог проходить через Карачев и Карачевский уезд, но достоверных сведений на этот счет нет.

Особого внимания заслуживает поездка летом 1850 г., совершенная писателем вместе со своим приятелем, известным ботаником, этнографом и историком, профессором Киевского университета Михаилом Александровичем Максимовичем. Тот возвращался из Москвы в Киев в собственном экипаже и пригласил Н.В. Гоголя с собой. Из нескольких интересных встреч, которые были у путников во время этой поездки, коснемся лишь тех, которые хотя бы косвенно имеют отношение к нашей теме. Днем 16 июня Н.В. Гоголь и М.А. Максимович были на обеде у жены калужского губернатора А.О. Смирновой (Россет), где встречались и беседовали с графом Алексеем Константиновичем Толстым. Подробности беседы остались неизвестными, есть лишь сведения, что знаменитый писатель в разговоре со своим более молодым коллегой по перу вновь обращался к волновавшей его теме, что нужно «поездить по России».

По прибытии из Калуги в Оптину пустынь Н.В. Гоголь был представлен настоятелю преподобному Моисею (Путилову), с именем которого связано возрождение и расцвет обители в 1820-1860-е гг. Для нашей темы примечательно то обстоятельство, что преподобный Моисей дважды жил на Брянщине: в 1809-1810 гг., когда еще с мирским именем Тимофея проходил послушание в Свенском монастыре, и в 1812-1814 гг., когда проживал в Белобережской пустыни.

В Севске, где Н.В. Гоголь и М.А. Максимович остановились на постоялом дворе, они оказались 24 июня, накануне дня Ивана Купалы. Проснувшись на рассвете, они услышали неподалеку какой-то необычный, похожий на старинный, напев, звонко разносившийся в свежем утреннем воздухе. «Поди послушай, что это такое, – попросил Н.В. Гоголь своего друга, – не купальные ли песни. Я бы сам пошел, но ты знаешь, что я немного из-под Глухова». М.А. Максимович подошел к соседнему дому и узнал, что там умерла старушка, которую оплакивают поочередно три ее дочери. «Девушки причитывали импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным пением. Всё служило им темой для горестного речитатива: добродетельная жизнь покойницы, их неопытность в обхождении с людьми, их незащитное сиротское состояние... Проплакав всю ночь, девушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестным выражением своих чувств, что начали думать вслух... стихами. Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перила, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: «Солнышко ты мое красное». По словам М.А. Максимовича, все это живо представилось ему подобным плачу Ярославны на рассвете в Путивле на городской стене. Когда он рассказал обо всем увиденном и услышанном Н.В. Гоголю, «тот был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им при случае в «Мертвых душах»». К сожалению, такого случая писателю не представилось.

Нам неизвестно местоположение севского постоялого двора, где ночевали Н.В. Гоголь и М.А. Максимович. Неизвестны фамилия и социальное положение скончавшейся пожилой женщины, но, вероятнее всего, это была вдова какого-то из севских чиновников-разночинцев (ме-

нее вероятно – вдова дворянина или купца). Но примечательно, что бытовавшие в простом народе плачи-причитания по умершим были, как видно, частью народной обрядовой культуры и среди имущих горожан.

Однако связи Н.В. Гоголя с нашими местами не ограничивались только дорожными впечатлениями или тем случаем, о котором шла речь. Среди лиц, общавшихся с писателем, некоторые имели прямое отношение к Севскому уезду.

В период с сентября 1834 г. до конца 1835 г., когда Н.В. Гоголь в звании адъюнкт-профессора читал курс лекций по истории средних веков в Петербургском университете, он мог общаться с двумя бывшими воспитанниками Севской духовной семинарии: Евдокимом Филипповичем Зябловским, уроженцем д. Зябловки (Барановки) Севского уезда, который в 1821-1825 гг. был ректором Петербургского университета, а затем – профессором географии и статистики, и с Александром Ивановичем Галичем (Говоровым), родом из г. Трубчевска, который в первой половине 1820-х гг. был профессором философии Петербургского университета, но затем в его работах усмотрели «вредное направление», лишили звания профессора и права читать лекции, но в штатах университетских сотрудников он был оставлен. Впрочем, мемуары, письма и другие материалы о жизни Н.В. Гоголя не содержат каких-либо сведений о знакомстве и взаимоотношениях писателя с Е.Ф. Зябловским и А.И. Галичем.

Одним из людей, «самых близких моей душе», по словам Н.В. Гоголя, был граф Александр Петрович Толстой (1801-1873). Генерал-лейтенант, бывший в 1834-1840 гг. губернатором в Твери и Одессе, он, по мнению Н.В. Гоголя, являлся своего рода эталоном государственного чиновника: умен, строг, честен, не любитель лести, истинно православный человек; обладал свойством «уметь заста-

вить всех работать», но в годы общения с писателем находился в отставке, проживая либо за границей, либо в своем доме в Москве. Именно в этом доме при благожелательном внимании и заботе со стороны графа прошли последние годы Н.В. Гоголя вплоть до смерти в 1852 г.

Совершенно не случайно, что в последней значительной работе Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» помещено 6 отредактированных писем автора к графу А.П. Толстому – значительно больше, чем кому-то другому. В некоторых из этих писем Н.В. Гоголь высказывал свои самые сокровенные и горькие мысли о России, почему два из них («Нужно любить Россию», «Нужно проехать по России») при жизни автора не были пропущены цензурой. В последнем письме Н.В. Гоголь обращался к графу с настоятельным призывом вернуться на службу, так как «вы теперь слишком нужны России». Несколько позже А.П. Толстой действительно вернулся к государственной деятельности и являлся в 1856-1862 гг. обер-прокурором Святейшего Синода.

Родной сестрой графа А.П. Толстого была Софья Петровна, в замужестве – Апраксина (1800-1886). Ее муж, генерал-майор Владимир Степанович Апраксин, бывший с 1827 г. владельцем весьма обширного брасовского имения в Севском уезде, умер довольно молодым, оставив вдову с тремя несовершеннолетними детьми. Ко времени личного знакомства Н.В. Гоголя с С.П. Апраксиной и ее семейством (это произошло в конце 1845 г. в Риме) ее дети (сын Виктор, дочери Наталья и Мария) были молодыми людьми в возрасте 20-25 лет. Судя по всему, семейство Апраксиных проявило большую благожелательность и внимание к писателю. С конца 1846 г. до лета 1847 г. он жил в доме С.П. Апраксиной в Неаполе, в ноябре-декабре 1847 г. вновь неоднократно встречался в этом городе с семейством Апраксиных, к которому в это время присоединился и

граф А.П. Толстой. В своих позднейших письмах к графу Н.В. Гоголю не забывал выразить свои теплые чувства к его сестре и племянницам: «Обнимите за меня всех: вашу наилучшую сестрицу Софью Петровну и ваших милых племянниц... Они, верно, знают и сами, что всех очень, очень люблю и буду молиться, как сумею» (1848); «Передайте душевный мой поклон Софье Петровне и Наталии Владимировне. Скажите, что много ценю благосклонное, дружеское их расположение ко мне» (1849); «Передайте мои душевные поклоны Софье Петровне и обоим вашим искренно мною любимым племянницам... Дай бог, чтобы все они были здоровы и преуспевали во всем, что возвышает душу человека» (1850).

Отдельно стоит сказать об отношениях Н.В. Гоголя и Виктора Владимировича Апраксина (1822-1898), который после смерти отца остался на попечении матери, Софьи Петровны, и ее свекрови, Екатерины Владимировны. По достижении совершеннолетия В.В. Апраксин был введен в права наследника обширного отцовского имения в Севском и частично в Трубчевском уездах и намеревался всерьез заняться хозяйственной деятельностью, в частности, улучшением положения крестьян. Имя В.В. Апраксина не раз упоминается в относящейся к 1846-1847 гг. переписке Н.В. Гоголя с графом А.П. Толстым, молодой графиней А.М. Виельгорской, видным деятелем русской культуры XIX в., П.А. Плетневым, замечательным русским художником А.А. Ивановым (последний, кстати, высоко отзывался в письмах Н.В. Гоголю об В.В. Апраксине: «Доброта Виктора Владимировича меня изумляет», «Виктор Владимирович ознаменовал приезд сюда водворением мира – между правительственными людьми и художниками»).

Главное внимание Н.В. Гоголя привлекали хозяйственные планы молодого богатого землевладельца. В янва-

ре 1847 г. в своем письме П.А. Плетневу, обобщая свои впечатления от бесед с В.В. Апраксиным, писатель отметил, что В.В. Апраксин – «весьма дельный молодой человек, вовсе не похожий на юношей-шелкоперов. Он глядит на вещи с дельной стороны и, будучи владельцем огромного имения, намерен заняться благосостоянием его серьезно». Примерно ту же оценку Н.В. Гоголь дает и в письме к графу А.П. Толстому: «У Виктора Владимировича желание сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян».

Весьма вероятно, что именно беседы Н.В. Гоголя с В.В. Апраксиным об устройстве помещичьего и крестьянского быта, о взаимоотношениях помещиков и крепостных натолкнули писателя на мысль включить в свою книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» сюжет «Русский помещик» (его содержание с особым негодованием было встречено В.Г. Белинским). Что же касается самого В.В. Апраксина, то его взгляды и деятельность наиболее отчетливо проявились во время подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г., когда он в качестве орловского губернского предводителя дворянства активно защищал интересы помещиков.

Среди духовных лиц, с которыми общался Н.В. Гоголь в последние десятилетия своей жизни, когда духовные поиски писателя носили особенно интенсивный характер, должны быть, в первую очередь, названы святитель Иннокентий (Борисов) и преподобный Макарий Оптинский (Иванов). Первый из них был воспитанником Севской духовной семинарии, второй – более 20 лет являлся иноком Площанской пустыни в Севском уезде и некоторое время исполнял обязанности духовника в Севском Троицком женском монастыре.

С владыкой Иннокентием, когда тот в сане епископа Харьковского находился в Москве, Н.В. Гоголь позна-

комился в 1842 г. и тогда же получил от него благословение на поездку к святым местам вместе с образом Спасителя. Близкий друг Н.В. Гоголя писатель С.Т. Аксаков так описал реакцию на этот факт: «Вдруг входит Гоголь с образом Спасителя в руках и сияющим, просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видел». Позже Н.В. Гоголь внимательно читал духовные произведения владыки Иннокентия; находясь за границей, просил друзей прислать новые его сочинения. Сам писатель послал владыке поэму «Мертвые души» и книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», встретившую у того нелюбезный отклик.

В своем письме, адресованном архиепископу Иннокентию, Н.В. Гоголь благодарит владыку «за то, что вы не скрыли от меня мнения вашего», и признает, что видит «свои грехи, выступившие в этой книге». Но одновременно с этим писатель с большой искренностью передает свое состояние души, когда писалась книга, и подтверждает, что «цель книги была добрая». Само письмо – своего рода исповедь-покаяние, свидетельствующая о высоком уважении автора к адресату. Сохранялось оно и позже, о чем свидетельствует письмо Н.В. Гоголя дипломату и духовному писателю А.С. Стурдзе (сентябрь 1850 г.), в котором он просил «передать преосвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастырское благословение».

Еще более близким для Н.В. Гоголя человеком оказался оптинский старец Макарий (писатель в своем письме прямо назвал его «душе и сердцу близкий отец Макарий»). Н.В. Гоголь трижды посещал Оптину пустынь: 17-19 июня 1850 г. – вместе с М.А. Максимовичем, 2-3 июня 1851 г. и 24-26 сентября того же года. Общался ли Н.В. Гоголь с отцом Макарием в первый приезд – точно неизвестно, но сама Оптина пустынь произвела на писателя неизгладимое

впечатление. Даже месяц спустя он с восторгом писал о ней графу А.П. Толстому: «Благодать видимо там присутствует... Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует всё небесное», и далее – в таком же роде.

Возвращаясь с Украины в Москву, Н.В. Гоголь счел своим долгом вновь посетить Оптиную пустынь. Его пребывание там не было долгим, но, по словам летописца монастыря иеромонаха Евфимия (Трунова), «Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образ благочестия». Во время этого посещения писатель был принят настоятелем Оптиной пустыни игуменом Моисеем (Путиловым), которому позже в письме выразил признательность «за дружеское гостеприимство», а также близко познакомился с «достойным отцом Макарием» (так он назван в письме Н.В. Гоголя настоятелю).

Написал Н.В. Гоголь письмо и самому отцу Макарию, но оно не сохранилось. Вероятно, было уничтожено из-за сугубо личного, исповедального содержания. Но об одной из имевшихся в нем просьб можно судить по ответному письму преподобного Макария – дать благословение на реализацию давно вынашиваемого Н.В. Гоголем замысла написать книгу по географии России для юношества. Об этом замысле великий писатель поведал в сохранившемся наброске письма, которое собирался отправить в правительственные сферы еще летом 1850 г.: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев... Книга эта составляла давно предмет моих размышлений... В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающую-

ся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью».

Отец Макарий, известный своей прозорливостью, вероятно, не очень верил в успех намеченного Н.В. Гоголем дела, но все же дал искомое благословение, правда, с некоторыми оговорками: «По желанию вашему не смею отказать и ...простираю мою грешную руку на сию хартию... В благом вашем намерении об издании полезной книги Бог силен даровать вам свою помощь, когда будет на сие его святая воля. Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искус, требующий понуждения». Как известно, этот замысел писателя не был реализован.

Но наиболее тесное общение между старцем Макарием и Н.В. Гоголем было во время последнего приезда писателя в Оптину пустынь. На сей раз Н.В. Гоголь жил в скиту близ монастыря – месте постоянного пребывания скитоначальника Макария. Жизнь в скиту явно пришлась по душе Н.В. Гоголю и, хотя он собирался продолжить поездку на родину на свадьбу своей сестры и получил на это благословение от отца Макария, вдруг начал сомневаться, не заболит ли в дороге. Он вновь обратился к отцу Макарию за советом. Согласно преданию, Н.В. Гоголь просил оставить его на жительство в качестве послушника, но не получил на это согласия и решил вернуться в Москву. Незадолго до смерти он говорил одному из своих друзей: «Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял, что не поступил в монахи! Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит!»

Стоит упомянуть, что одним из ценимых Н.В. Гоголем духовных писателей был преосвященный Иаков (Иосиф Иванович Вечерков), который в 1820-х гг. был пре-

фектом Севской духовной семинарии. Книга «Слова и речи преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского», видимо, настолько оказалась созвучна душе писателя, что он в марте 1851 г. читал ее вслух в княжеском семействе Репниных-Волконских.

Наконец, нужно упомянуть еще одну примечательную личность, связанную с Брянским краем и в то же время духовно близкую Н.В. Гоголю в 1840-е гг., – Надежду Николаевну Шереметеву, урожденную Тютчеву. Младшая из тетушек Ф.И. Тютчева, она в молодые годы потеряла мужа, оставшись с тремя малыми детьми на руках, но сумела дать им хорошее образование и воспитание, выдать замуж дочерей за достойных людей – М.Н. Муравьева и И.Д. Якушкина, активно занималась благотворительностью. Будучи женщиной независимого характера, Надежда Николаевна порой отступала от традиций дворянского общества: ездила на дрожках, одевалась просто, укоротила свои волосы, что вызвало пересуды среди светских дам. В то же время была глубоко верующим человеком и, лично познакомившись с Н.В. Гоголем в возрасте, приближавшемся к 70 годам, Н.Н. Шереметева сумела понять и поддержать мятушуюся душу великого писателя. О душевной близости двух людей разного возраста и положения свидетельствует активная переписка Н.В. Гоголя и Н.Н. Шереметевой. В своих письмах Николай Васильевич постоянно называет Н.Н. Шереметеву своим «добрым другом», многократно благодарит ее за сердечные слова, советы и молитвы.

В день своей смерти, 11 мая 1850 года, Н.Н. Шереметева приезжала к Н.В. Гоголю проститься, но не застала его дома. Об этом писала в своих воспоминаниях А.О. Смирнова-Россет: «Гоголь пришел ко мне утром и был очень встревожен. «Что с вами, Николай Васильевич?» – «Надежда Николаевна Шереметева умерла, вы знаете, как

мы с ней... жили душа в душу? Последние два года... она боялась смерти. Сегодня она приехала, как всегда, на своих дрожках и спросила, дома ли я. Поехала куда-то, опять заехала..., не нашла меня и сказала людям: «Скажите Николаю Васильевичу, что я приехала с ним проститься», — поехала домой и душу отдала Богу, который отвратил предсмертные страдания. Ее смерть оставляет большой пробел в моей жизни».

Прошло более полутора веков, как смолк голос великого писателя, но и сегодня произведения Н.В. Гоголя остаются близкими для многих тысяч читателей. Уже не только живые картины народного быта и верований, изображенные в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», не только яркие сатирические образы российских чиновников и помещиков в «Ревизоре» и «Мертвых душах», но все больше привлекают внимание думающих читателей его размышления о судьбе России, его раздумья о роли писателей, их ответственности перед обществом.

«Каждый писатель, — по словам Н.В. Гоголя, — должен оставить после себя какую-нибудь благую мысль в наследство читателям. Долг писателя — не одно доставление приятного уму и вкусу; строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется ничего в поучение людям. Пока не станешь сам сколько-нибудь походить на добродетельного человека, пока постоянством и силою не завоюешь в душу несколько добрых качеств, мертво будет все то, что ни напишет перо, и, как земля от неба, будет далеко от правды. Нельзя излагать святыни, не освятивши сколько-нибудь свою собственную душу, и не будет сильно и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово!»

Не к нам ли, пишущим и говорящим, писателям, журналистам, ученым, преподавателям, работникам культуры, священнослужителям относятся эти слова сегодня?

Не к нашему ли времени, когда и в жизни, и в литературе, и в средствах массовой информации оказались смешанными понятия добра и зла, правды и лжи, нравственного и аморального?

В 1909 г., согласно распоряжения Святейшего Синода, чествование столетия со дня рождения Н.В. Гоголя – «великого русского писателя, истинного патриота и глубоко верующего христианина» (цитирую слова официального распоряжения) – было отмечено 20 марта в духовных учебных заведениях служением литургии и панихидой, а также устройством накануне «особых чтений, посвященных памяти великого писателя».

Не будем предугадывать, какие распоряжения на этот счет примут светские и духовные руководители страны в связи с 200-летием со дня рождения Н.В. Гоголя, но, если в этот день во всех учебных заведениях Брянщины, в ее библиотеках и храмах прозвучат прочувствованные слова, посвященные памяти великого писателя-патриота, слова добра и веры, сближающие людей и народы, – это было бы правильно и хорошо.

Позвольте завершить словами священномученика Серафима (Чичагова), бывшего в 1906-1908 гг. епископом Орловским и Севским и расстрелянного в 1937 г.: «Вечная ему память, дорогому Николаю Васильевичу Гоголю, богатую русского слова, славному сыну православной церкви!»

Литература

1. Аксаков, С.Т. История моего знакомства с Гоголем / С.Т. Аксаков. – М., 1960.
2. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений : в 9 т. / Н.В. Гоголь. – М., 1992 – 1994. – Т.6,9.
3. Владимир Воропаев. Благодатная обитель. Гоголь в Оптиной пустыни // Оптинский альманах. Вып.2. Введен-

ский ставропигиальный мужской монастырь. — Оптина Пустынь, 2008.

4. Гоголь в воспоминаниях современников. — М., 1952.

5. Золотусский, И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. — М., 2004.

6. Кулиш, П.А. Записки о жизни Гоголя / П.А. Кулиш. — СПб., 1856. — Т. II.

7. Н.В. Гоголь и Православие. — М., 2004.

8. Русские писатели : биографический словарь. — М., 1989. — Т. I.

К.П. Гришин,

студент,

*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

П.Н. Тиханов и деятели Брянского края (по материалам переписки*)

Как известно, Брянск на рубеже XIX-XX вв. был рядовым уездным городом, каких в российской провинции насчитывались десятки. Местная интеллигенция того времени представляла собой небольшие горстки разных по уровню образованности, материальному достатку людей, объединенных общими интересами, радеющих за настоящее и будущее общества, в частности, брянского. Павел Никитич Тиханов был для города, да и региона в целом, знаковой фигурой, первой скрипкой в исторической провинциальной науке. Хорошо образованный человек, за плечами которого несколько лет университетской жизни, редактор и корректор многих печатных столичных изданий, собиратель древних рукописей, основатель первой брянской газеты — в глазах многих представителей культурной и политической элиты он казался находкой крае-

7407/141